

Уральский архитектор Михаил Павлович Малахов.

Бывший Дворец пионеров или Дом Расторгуева - Харитонова, как следовало бы его правильно называть, - одно из самых замечательных явлений российской архитектуры эпохи классицизма. А каких великих людей видели его стены, сколько восторгов было высказано в его адрес! В 1824 г. в доме останавливался путешествующий по России император Александр I. «Да это настоящий дворец!» - невольно вырвалось у Александра Павловича, а уж он понимал толк в роскошных апартаментах. Спустя мгновение «Милосердный Монарх и великодушный Отец своих подданных изволил показаться на балконе, и радостные восклицания с громогласным: "ура!" переносилось из конца в конец в тысячах стоящих из народа».

В 1837 г. в Екатеринбурге был будущий правитель России Александр II, и его также поселили в лучшем в городе особняке. Во дворце на протяжении всего XIX века по случаю особенно важных событий устраивались торжественные приемы и грандиозные балы.

Не меньше самого дома привлекал внимание сад в английском вкусе с прекрасными цветниками, оранжереями, беседками и прудом. «Сад всегда открыт для публики и в хорошие летние дни, особенно в праздничные, посещается лучшим обществом и приносит много удовольствий, - вспоминал современник. Этот сад мог бы быть украшением и столицы, а в Екатеринбурге почитается редкостью, где, кроме его, нет ни одного публичного сада». А сколькими легендами окружена история расторгуевского дома: подземные ходы, пыточные камеры, кладовые золота. Но кому обязан Екатеринбург этим шедевром, кто был его архитектором?

Семейное предание сохранило следующую историю. Внук Льва Ивановича Расторгуева А.А.Зотов в одном из частных писем вспоминал: «С начала 1796 г. дед мой решил блеснуть перед екатеринбургской знатью, построить небывалый еще в городе дворец. Денег была уйма, но не было даровитого зодчего. Это затруднение дед мой и поведал начальнику канцелярии Пермского губернатора. Тот ответил, что в тобольской каторжной тюрьме содержится государственный преступник, даровитый зодчий. Он считается умершим, можно знать только его номер. Да и сам узник перед страхом наказания не скажет своего имени и тем более звания. Встреча моего деда с узником состоялась. Через 12 лет дворец был готов», ну а неизвестный архитектор повесился в пересыльной тюрьме. Архивные же документы воссоздают совсем иную, менее интересную, но куда более реалистичную картину.

В марте 1815 г. один из корреспондентов горного начальника Гороблагодатских заводов и известный исследователь платины на Урале Р. Мамышева сообщил, что «архитектор Малахов находится в Екатеринбурге для строения дому купца Расторгуева», и что зовут его «Михайло Павлович». Это единственное свидетельство об архитекторе дома, оставленное современниками, но его достаточно, чтобы ответить на очень многие вопросы.

Лев Иванович Расторгуев, хозяин особняка, происходил из поволжских старообрядцев. На Урале его узнали как Вольского 2-й гильдии купца и поверенного знаменитого винного откупщика Василия Злобина. Когда в конце 1790-х годов он начал скупать землю на Вознесенской горке, место это было далеко не престижным, да и хоромы возводить он тогда не собирался: построил только двухэтажный каменный дом и водочную фабрику. Успешная коммерция привела Расторгуева к характерному для многих состоятельных купцов решению - в период с 1805 по 1809 гг. на заработанные от производства и продажи спиртного деньги он купил Кыштымские и Нязепетровские металлургические заводы. Заводосодержатель - не то же самое, что винный откупщик: он ближе к дворянину, чем к купцу. Необходимость соответствовать новому высокому социальному положению сподвигла Льва Ивановича на кардинальную перестройку екатеринбургского дома. А с архитектором ему помог случай.

Михаил Павлович Малахов родился на Украине в Черниговской губернии. Учился сначала в духовной семинарии, потом в народном училище. После учебы три года служил канцелярским чиновником в суде и на почтамте, пока не поступил в 1800 году в Академию художеств в Петербурге.

Через полтора года Михаила Малахова выпускают из Академии с чином архитектора 14-го класса. Молодому двадцатилетнему провинциалу получить хорошее место удалось не сразу. Четыре года он «находился при строении лекционных театров Медико-хирургической Академии и Казанского собора», год вообще не имел никакой работы, пока наконец его не определили в министерство внутренних дел.

В марте 1805 г. оренбургский военный губернатор Г. Волконский в частном письме просит министра внутренних дел графа В. Кочубея определить Малахова, о знаниях и способностях которого он «довольно наслышан», в Оренбург. Каким образом оренбургский губернатор узнал о деловых качествах никак еще себя не проявившего архитектора, остается только догадываться. Мы никогда не узнаем, кто способствовал поступлению Малахова в Академию, кто хлопотал за него в министерских кабинетах, но без чьей-то протекции не обошлось. Скупые строки официальных документов не скажут многого об Оренбургском периоде жизни Михаила Павловича, вряд ли он был удачным. В казенных бумагах, разумеется, нет прямых указаний на то, что в Екатеринбург с Южного Урала Малахов приехал специально для строительства дома Расторгуева, но люди, которые знали архитектора лично, указывали именно на эту причину.

Возможно, Расторгуев даже негласно финансировал переход архитектора на службу из одного ведомства в другое - вся местная администрация была у него на содержании. Как бы то ни было, формально с февраля 1815 г. Михаил Павлович Малахов зачислен архитектором в штат Екатеринбургских горных заводов, фактически - приступил к перестройке дома на Вознесенской горке. Без малого тридцать лет Малахов безвыездно провел в нашем городе, в 1828 г. женился на дочери высокопоставленного чиновника Колобова - Вере, воспитал талантливых детей и скончался в 1842 г.

Дом Расторгуева в Екатеринбурге - первое и лучшее творение Михаила Павловича. К тому моменту, как он взялся за работу, были построены главный угловой дом и северный флигель. При нем появились мезонин и портики у главного дома, домовая церковь с ротондой, колонны и ворота по Вознесенской улице, второй флигель во дворе, конюшни и парк. Окончательно весь архитектурный ансамбль сложился к 1824г., после того, как был сооружен так называемый «переходный» флигель между церковью и главным домом. Как же проявилась в этих постройках индивидуальность уральского архитектора?

Стиль классицизм - который господствовал в ту эпоху в России и Европе, меньше всего способствовал самовыражению творческого "Я" автора. Напротив, он предписывал архитекторам строго следовать системе законов и правил (симметричный фасад, нечетное число окон, портики с колоннами и фронтоном и т. п.), каждая новая постройка являлась своего рода вариацией воображаемого идеального здания - строго и величественного.

Классицизм - имперский стиль, он совпадает по времени с абсолютными монархиями, правлением Наполеона Бонапарта, а в нашем веке - со сталинизмом. Архитектор-классик мыслит не отдельными деталями декора и даже не отдельными зданиями, а большими пространственно-архитектурными комплексами. Высшая точка мастерства для него - умение вписать здание в градостроительный и природный ландшафт. Таким умением обладали Матвей Казаков, Карло Росси, Андрей Воронихин, и не в меньшей мере Михаил Малахов.

Представим себе расположение расторгуевского дома в 1815 г. Главный фасад - южный, который выходит на площадь перед Вознесенской церковью. Его Малахов украсил портиком из шести колонн, монументальным и одновременно воздушным. Более скромный и основательный портик западного фасада со спаренными колоннами. Здесь архитектор ориентировался на восприятие человека, стоящего непосредственно на улице Вознесенской или по ней проезжающего. Поэтому акцент сделан на ритмичное чередование колоннады ворот и северного флигеля. Особенно выразителен подъезд к главному дому, решенный в виде триумфальной арки. Совсем иные задачи пришлось решать Малахову, когда он строил домовую церковь. Тут сказалось требование хозяина, который не без умысла пожелал возвести старообрядческую церковь прямо перед входом в православную.

В 1810 -1820 гг. екатеринбургские старообрядцы не только ни от кого не таились, но были в полусаге от того, чтобы легализоваться. Ротонда церкви удачно уравнивает колонны портика южного фасада главного дома. Флигель между домом и церковью перенасыщен мелкими деталями и стилистике Малахова, на мой взгляд, чужд. Лев Иванович Расторгуев умер в 1823 г., поскольку все основные компоненты ансамбля к тому времени уже были готовы, ему удалось увидеть свою мечту осуществленной. Но новые хозяева, вполне возможно, не нашли с Малаховым взаимопонимания и достраивал дворец другой архитектор.

Что еще построил Михаил Павлович Малахов в Екатеринбурге? Ответить на этот элементарный вопрос не так просто. Как автор, он подписал только один проект - Екатеринбургской шлифовальной фабрики и Горнощитского мраморного завода, да и тот остался не осуществленным.

Можно не ошибаясь назвать ряд строений, которые Малахов по долгу службы обязан был проектировать, рассчитывать сметы и надзирать за строительством: Горная аптека, Уральское горное правление, Екатеринбургская гранильная фабрика и Дом Главного горного начальника заводов Хребта Уральского. На последнем (нам это здание известно как Областная больница №2 на Набережной рабочей молодежи) стоит остановиться подробнее. «Дом этот по прекрасной своей архитектуре и огромности может похвастаться вторым в городе, после дома Расторгуева», - восторженно записал о нем современник. Так же как и в случае с Расторгуевым, Малахов начинал не с пустого места. Он добавил к давно построенному особняку берг-инспектора Булгакова мезонин, портик и ворота, но благодаря его вмешательству заурядное здание превратилось в шедевр архитектуры.

Должность Главного горного начальника над всеми уральскими заводами была учреждена в 1826 г., назначались на нее военные в генеральских чинах. В начале 1830-х гг. Главный горный начальник переехал в Екатеринбург. В его резиденции первый этаж отвели для прислуги, второй - жилые покои и парадные, рабочий кабинет и канцелярия - в мезонине. Из кабинета открывался великолепный вид на Исеть, чем-то напоминающий Петербург. Малахов сделал

портик трехъярусным, чтобы колонны балкона у мезонина не были слишком громоздкими и не мешали наслаждаться красотами горной столицы.

Особенно эффектно смотрится Дом горного начальника с противоположного берега реки от ул. Первомайской. Градостроительное мышление Малахова проявилось и в том, как он согласовал новое здание с окружающими постройками. Дом горного начальника сразу стал и по сей день остается архитектурной доминантой набережной, а поддержкой ему служит особняк купца И. Пшеничникова (современный Дом дружбы), который Малахов двумя годами ранее заставил хозяина сделать с изящным четырех колонным портиком по фасаду.

Значительно сложнее точно установить участие Михаила Павловича в проектировании частных домов. Поскольку нет никаких документов, авторство Малахова можно определить только по некоторым приемам, которые отличают его индивидуальный творческий почерк. Например, классический портик Малахов делал необычно: он очень близко прижимал его к стене, так что карниз касался колонн, а арка, связывающая пилоны со стеной, получалась незаконченной и входила в «тело» стены. Так сделаны портики у Дома Расторгуева, у Уральского горного правления и частного особняка купца Зота Блохина (Куйбышева, 63). Дом Блохина, или как его еще называют «Малый Рязановский», можно приписать Малахову и потому, что его фасад очень похож на фасад Горной аптеки.

Разумеется, проектировал Малахов и свой собственный дом по ул. Васенцовской (Луначарского, 173), в его ротонде он повторил ротонду домово́й церкви Расторгуева. Вокруг остальных приписываемых ему построек споры между краеведами ведутся на протяжении десятилетий, и пересказ их занял бы слишком много места.

Творчество уральского архитектора Михаила Павловича Малахова в последнее время привлекает внимание многих искусствоведов и историков. Одни склонны возносить до небес его гений и приписать Малахову едва ли не каждый дом, исполненный в стилистике классицизма, другие, от противного, всячески унижают и низводят до малообразованного плагиатора. Достоверных источников, которыми приходится оперировать, не так много, как хотелось бы, а анализ стилистических особенностей архитектуры слишком абстрактен, чтобы верить ему безоговорочно.

В любом случае, решающее участие Малахова в создании Дома Расторгуева можно считать подтвержденным архивными документами, и одного этого достаточно, чтобы записать Михаила Павловича в сонм выдающихся русских архитекторов. Это, безусловно, был очень талантливый художник с проблесками гениальности.